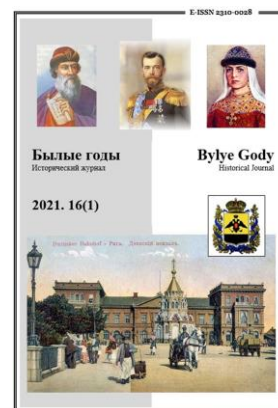

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 420-431.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.420
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Agrarian Colonization of the Steppe Region in the Russian and Kazakh Historiography of the late XX – early XXI centuries as a «Post-Traumatic» Practice of Scientific Reflection

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Almagul A. Sirbayeva ^a

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Russian Federation

Abstract

The article is let in to disclosure the content of scientific understanding of the processes of agrarian colonization of the Steppe region in the modern historiography of Russia and the Republic of Kazakhstan. The research procedures are based on the methodological principles of the new cultural and intellectual history, and the reliability of the conclusions is determined by a complex of historiographic sources. The author's team found that the historiographical tradition of the stated problem was formed in scientific schools of Russia and Kazakhstan under the influence of «traumatic» events of the colonial past, which influenced the Genesis and evolution of ideas about the causes, course and results of the process of Imperial incorporation of the Steppe region into Russia in the second half of the XIX-early XX centuries. In the construction of the subject part of the study, the socio-cultural and political background of the institutionalization of approaches to scientific reflection of the issue was taken into account. It is proved that a positive result of the historiographical discourse of the Russian and Kazakh scientific schools can be active communication in the scientific field, an appeal to modern research approaches and practices, including the «new history of the Empire», which actualizes the common «trauma» of colonization for the Kazakh and Russian peoples.

Keywords: Russia, Kazakhstan, historiographical tradition, «post-traumatic syndrome», colonial discourse, post-colonial researches, new historical science, scientific schools, discourse.

1. Введение

Осмысление исторического опыта аграрной колонизации Сибири и сопредельных территорий как составляющей части исторического опыта российского колониационного процесса особо актуально в аспекте современной ситуации научного знания, а также международных отношений и межэтнических коммуникаций. Активное обсуждение и переживание травматических сюжетов прошлого открывает реальные перспективы координации исследований в рамках научных сообществ, преодоления сиюминутных политических спекуляций и выхода исследовательских штудий за рамки исторической политики, задачи которой сводятся не столько к трансляции результатов научных изысканий, сколько к использованию исторического нарратива с целью легитимации власти акторов политического поля. В историографическом отношении российский и казахстанский дискурсы аграрной колонизации Степного края демонстрируют сходства и различия в оценке имперских проектов и практик территориальной экспансии и ее последствий для всех групп населения, вовлеченных в формат имперского доминирования и принуждения, что открывает широкие возможности к выстраиванию продуктивной коммуникации в научной сфере. Заявленная в таком варианте актуальность исследования проблемы позволяет конструировать и методологический «ландшафт» статьи.

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin)

2. Материалы и методы

Для решения исследовательских задач, связанных с раскрытием социокультурных обстоятельств и факторов институционализации историографических традиций поставленного вопроса, коллектив исследователей использовал обширный круг историографических источников, репрезентирующих процесс научной рефлексии в рамках хронологического периода конца XX – начала XXI столетий.

Для исследования проблемы были рассмотрены труды монографического характера (включая диссертационные работы), зафиксировавшие представления ученых России и Казахстана о различных аспектах процесса аграрной колонизации Степного края: историческом опыте и всем комплексе современных оценочных суждений; тематических публикациях в периодической печати, сборниках научных статей, материалах научных и научно-практических конференций, отразивших научную рефлексию российских и казахстанских историков по вопросам теории и методологии аграрной истории в колонизационной системе координат.

В методологическом отношении положения и выводы статьи, которая носит историографический характер, соотносятся с предметным полем «новой культурно-интеллектуальной истории», постулирующей приоритет контекстуального подхода над интерналистским в обсуждении историографических явлений.

По определению Л.П. Репиной, контекстуальный подход предполагает такой путь познания и историописания, в рамках которого «...история науки рассматривается как одна из форм общественной деятельности и часть культуры, которая не может существовать вне социального, политического и других аспектов интеллектуальной истории» (Репина, 2001: 5), в частности без учета активной роли языка, текста в воссоздании исторической реальности.

Таким образом, системным действием при работе с историографическими источниками стало выявление и описание дискурсивных практик современных исследователей, в которых фиксировались представления о сложном и многомерном процессе аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. и его интерпретации в рамках научных сообществ России и Казахстана.

Методологический инструментарий новой исторической науки предопределил выбор методов исследования.

Проблемно-хронологический метод позволил учесть идейно-политический и культурно-интеллектуальный контексты генезиса представлений историков России и Казахстана о содержании процесса имперской колонизации Степного края, что позволило конструировать основные выводы, принимая во внимание состояние современной исторической науки и действующие модели коммуникаций научных сообществ.

Историко-сравнительный метод предоставил возможность установить в трудах историков факторы эволюции оценок деятельности колониальной администрации.

С опорой на метод деконструкции историографического дискурса удалось установить его первичный и вторичный форматы. Авторы пришли к убеждению, что первичный дискурс фиксирует только реакцию исследователя на событие, тогда как во вторичном дискурсе начинает функционировать его историческое сознание, наполняя интерпретацию исторической реальности опытом самого историка: коммуникативным, интеллектуальным, научно-исследовательским. В практической плоскости это означает включение исследователя в событийный текст, понимание языка эпохи, что предоставляет шанс для более глубокого осознания смысла происшедших исторических событий.

3. Обсуждение

Научная полемика, в рамках которой в современной историографии обсуждается тема аграрного освоения и «присвоения» Российской империей степных областей, разворачивается в условиях знаковых перемены в теории и методологии новой исторической науки. В качестве ответа на социокультурные вызовы историки все чаще привлекают к реализации исследовательских практик модернизированные интерпретации таких концептов, как «империя», «имперская ситуация», «внутренний империализм». В данном отношении дискурс проблемы аграрной колонизации осуществляется в двух направлениях: через освоение коммуникативных стратегий имперской власти и местных сообществ, системных взаимоотношений между центром и регионами в специфических этноконфессиональных и социокультурных условиях инкорпорации окраин.

Путем акцентированной критики позитивистских приемов историографического анализа вопросов колониальной истории, применение которых было апробировано в последние годы советского периода и на стартовом этапе эпохи «национальных суверенитетов», когда, по сути, единственным актором дискурса выступала публицистика.

Наиболее предметно осмысление историографического опыта ученых Российской Федерации и Республики Казахстан подверглось анализу в трудах российских историков и было представлено в научных статьях, монографиях, диссертациях, обсуждениях на научных конференциях международного уровня (Ремнев, 1995: 236; Дамешек, 2002: 257-266; Безвиконная, 2005: 239;

Суворова, 2014: 135-149; Чуркин, 2016: 158-164; Токмурзаев, 2016: 252).

Обращение историков Казахстана к аграрно-колониационной проблематике в 1990-е гг. осуществлялось в условиях обретения национальной государственности и процессов этнизации, что определило острую дискуссионность вокруг нарратива колонизации, который позиционировался в работах обобщающего характера в качестве иллюстративного материала, востребованного в интересах восстановления исторической справедливости. Такой подход оказался характерен для историографических трудов 1990-х – 2000-х гг. (Козыбаев, 1990: 125; Мажитов, 1994: 62-73; Садвокасова, 2005: 339).

Нельзя не отметить и определенную «расколотость» историографического пространства Республики Казахстан в указанный период, что подтверждается готовностью части научного сообщества к компромиссу и коммуникациям с представителями российской исторической школы в понимании и трансляции исторического опыта имперской колонизации (Ерофеева, 2007: 14-22; Фризен, 2012: 181).

Таким образом, опыт научной рефлексии историографической традиции вопроса позволяет констатировать необходимость продолжения исследований в области историографии, принимая во внимание социокультурные аспекты формирования научных школ России и Казахстана и изменения в исторических представлениях о колонизации и ее последствиях для государств и общества.

4. Результаты

Представляется очевидным, что функции историографического знания простираются много дальше простой рецепции и интерпретации события, являясь моделью ретрансляции коллективной памяти об историческом прошлом.

Говоря о состоянии историографических традиций проблемы, вынесенной в название работы, необходимо добавить, что историография – явление атмосферное, прочно слитое с социокультурным контекстом и характеристиками коллективной памяти, обладающей устойчивым свойством быть транспоколенческой, социальной, долговременной памятью общества, репрезентируясь в историографическом дискурсе.

Тема аграрной колонизации Степного края стала предметом исследовательского интереса историков Казахстана в период распада СССР, обретения государственной территории и национальной независимости. При этом процессы подъема этнического самосознания и формирования новой национальной идентичности развивались в контексте острого переживания казахским народом своего прошлого, которое не только на профанном уровне, но и в научном сообществе воспринималось как травматическое, что являлось своеобразным индикатором постколониального сознания.

По определению А. Ассман, крупнейшего немецкого историка и теоретика культурной памяти, «...понятие исторической травмы введено, чтобы продемонстрировать то значение, которое имеет память для преодоления наследия, оставленного колониализмом или работорговлей» (Ассман, 2016: 183). Сопутствующим обстоятельством глубокого переживания и переосмысления колониального прошлого становится посттравматическая ситуация, в системе координат которой не представляется возможным понять и объяснить причины травмы (Ассман, 2016: 328).

В историографическом плане можно говорить о двух интеллектуальных интенциях, характеризующих сознание казахской интеллигенции. Первая восходит к позиции Бавны Дэви, автора монографии, посвященной широкому кругу проблем этничности, языка и власти в постсоветском Казахстане, в которой автор в рамках постколониального дискурса выдвинула тезис о значимости колониальности в истории казахского народа и ее влиянии на самосознание и идентичность национального сообщества (Dave, 2007: 24). Б. Дэви внедрила в общенаучную риторику понятие «манкуртизация», интерпретируемое как «отделение казахов от кочевой культуры» (Dave, 2007: 67). В данном аспекте, полагает ученый, в казахском обществе, пришедшем в соприкосновение с земледельческими сообществами, происходило во многом добровольное принятие доминации, поскольку таковая являлась важным фактором хозяйственного и культурного развития (Dave, 2007: 67).

Иной посыл был озвучен в работах А.В. Ремнева, полагавшего, что «реакция пробужденной национальности может достигать крайних пределов отторжения как имперского, так и советского прошлого, хотя параллельно возникает эмоциональная реакция (не всегда противопологающая, а нередко дополняющая) на романтизацию прошлого, на пафосное национальное самолюбование и самооболение» (Ремнев, 2011: 179) (общеизвестно, что пафос в науке – эффектный, но, как правило, неэффективный способ латания трещин в концепции). Выдающийся историк Нурбулат Масанов в своих работах неоднократно убеждал, что принадлежность казахов номадическому образу жизни, сложившемуся исторически, не может быть поводом для шаблонных антиколониальных спекуляций, поскольку номадизм не выступал в качестве препятствия к восприятию другого типа культуры. Он писал: «У нас не было ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было просто номадное кочевое общество... при этом, ...«несмотря на жесткие условия модернизации, казахи оказались способны усваивать достижения науки и техники, достижения культуры других народов, их языки. И, самое

важное, оказались способны усваивать достижения всемирной цивилизации и двигаться вместе со всей цивилизацией вперед и не отставать» (Масанов, 2004).

Становление в Республике Казахстан «официальной» линии новейшей историографии аграрной колонизации Степного края приходится на период 1990-х – начала 2000-х гг., когда в работах Р.М. Таштемхановой, С.И. Ибраева и других известных исследователей была открыто продекларирована приверженность казахстанских историков концепции «абсолютного зла», трактующей аграрные переселения из Европейской России как инструмент и форму имперской колонизации Казахстана. При этом влияние культуры земледельческой оседлости, носителями которой выступали российские крестьяне, интерпретировалось авторами как однозначно негативное, сопровождаемое изъятием лучших земель индигенного населения в переселенческий фонд (Таштемханова, 1994: 3; Ибраев, 1995: 166). Таким образом, исследователи спектра вопросов аграрной колонизации в 1990-е – начале 2000-х гг. активно способствовали утверждению тезиса: Российская империя во второй половине XIX – начале XX вв. реализовывала в Степном крае принципы колониального экспансионизма, финансово и законодательно поддерживая и направляя крестьянские миграции, которые напрямую затрагивали сферу образа жизни и традиций коренных групп населения.

В означенной логике приоритетное место в исследовательском поле научного сообщества историков Республики Казахстан заняли вопросы коммуникации социальных групп в колониационном процессе. Симптоматично, что в параметры дискуссии были включены именно те сюжеты, которые позволяли сделать акцент на травматических последствиях имперской колонизации. В центре внимания казахстанских историков все чаще оказывались события, связанные с деятельностью в Степном крае сообщества казаков как наиболее одиозного проводника колониальных программ в регионе.

В официальном сегменте историографии доминирующей стала мысль о тесной взаимосвязи колониальной политики и комплекса имперских задач, возлагаемых в Степном крае на казачество. Комментируя позиции историков Республики Казахстан в этом вопросе, отметим, что в российском общественно-политическом дискурсе второй половины XIX отношение к роли казачества в освоении окраин было неоднозначным, что главным образом относилось к сфере земледельческих практик сословия. В среде либеральных ученых и публицистов активно проводилась мысль о дискредитации культуртрегерских возможностей казачества в колонизации восточных территорий (Токмурзаев, 2016: 5). В то же время важность выполнения казаками имперской миссии в отдаленных землях, в том числе граничивших с Китаем, являлась неотъемлемой частью политической риторики. Так, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа генерал от инфантерии И.Ф. Бабков писал, что полное спокойствие в Киргизской степи «во многом обязано казакам, которые при всех вооруженных столкновениях с киргизами и другими среднеазиатскими инородцами всегда были впереди и принимали на себя первые их удары. Сибирское казачье войско служит твердым и вполне надежным оплотом России на ее далеких окраинах, прилегающих к Китаю» (Бабков, 1912: 39).

Интенсивная разработка темы казачества в казахстанской историографии во многом была обусловлена этно-политическим фоном 1990-х гг. и вынужденными миграциями русско-славянского населения из районов постоянного проживания в Казахстан, что погружало историографический дискурс в контекст исторической политики, когда военно-политическая деятельность казачества и административная их роль сопровождались выводами идеологического порядка (Абдиров, 1994: 160). Это находило выражение и в соответствующих лексических конструкциях, сопровождавших выводы официальных историков: «царизм всячески укреплял военную структуру царизма, расширял земельные владения, награждал разными привилегиями и льготами..., казаки оправдывали свое назначение активным участием в борьбе с национально-освободительным движением казахского народа на протяжении XVIII – начала XX веков» (Борсукбаева, 2005: 71).

Принципы и подходы, сложившиеся в рамках «официальной» историографии аграрной колонизации в республике Казахстан, носили ярко выраженный контекстуальный характер и зависели от идейно-политических установок начального периода становления национальной государственности, для которого (и Казахстан здесь не является исключением) была характерна тенденция «демонизации» колониального прошлого.

Вместе с тем в Казахстане 1990-х – начала 2000-х гг. происходил и другой важный процесс, связанный с миграциями, – оттоком «русского» населения и перемещением сельских жителей в города, что, с одной стороны, приводило к архаизации казахского общества, с другой – выполняло задачи амортизации алармистского напряжения «славянской угрозы». Следствием такой ситуации стало перемещение дискурса колониальной экспансии Российской империи в периферийное поле научно-исторических штудий. В начале XXI века эта «периферийность» объяснялась и соображениями политкорректности в отношениях с Российской Федерацией, «поднимающейся с колен» и стремительно возобновляющей традиции и практики имперского управления внутри собственной страны.

В обсуждаемый период происходил своеобразный «дрейф» культурной памяти нации к осмыслению травматического опыта истории Казахстана и казахского народа в условиях

доминирования структур имперскости СССР. С. Камерон в вышедшей недавно монографии, посвященной представлениям о насилии, модернизации и нациестроительстве в сталинском СССР, пишет, что последствия голода, спровоцированного властью большевиков в Казахстане в 1932 г., имели гораздо большие травматические последствия для нации, нежели колониальное управление во второй половине XIX – начале XX вв. Показательно, что публичное обсуждение темы голода, возбудившей в 1990-х – начале 2000-х гг. казахский социум и научное сообщество, в скором времени была купирована, что С. Камерон объясняет «остаточным влиянием эволюционистских теорий, гласящих, что исчезновение кочевых народов – неизбежное следствие цивилизации» (Камерон, 2020: 22).

В целом, обе тенденции не только пробуждали изоляционистские настроения, но и будировали в казахском обществе ощущения перманентного «внутреннего колониализма», что наиболее наглядно материализовалось в сфере формирования национального исторического нарратива, в котором «дискурс угнетенного» занял первенствующие позиции (Алексеев, 2010: 144-168).

Характеризуя состояние историографической традиции вопроса в Республике Казахстан эпохи «посттравматического» синдрома, можно сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, процесс становление историографии Республики Казахстан соотносился по времени с формированием национальной государственности и, как следствие, усиленным поиском нового, адекватного вызовам времени исторического нарратива. Создаваемому нарративу предпосылалась и сверхзадача максимального вытеснения из коллективной памяти и национального сознания травматических сюжетов имперского прошлого. Путь к забвению исторической травмы отягощался для казахстанских историков и социума сохранением советского (по сути, имперского) языка историописания, в котором абсолютно доминировали старые риторические приемы и конструкции, используемые при характеристике имперской политики России, – «экспансионизм», «колониализм», «национально-освободительное движение», а также крайние их формы – «колониальное порабощение» (Борсукбаева, 2005: 3), «насилие колониальных чиновников» (Айтмагамбетов, 2010: 10), «идеологический прессинг» (Мырзахметова, 2007: 14) и т.д.

Во-вторых, в историографическом дискурсе актуализировались алармистские тенденции, что оказалось запечатлено в тех речевых конструкциях, которые были призваны отразить знаковые эпизоды колониального прошлого Казахстана. Приводим наиболее показательные фрагменты: «В начале XX века территория Казахстана была одной из колоний России. Естественное течение этнического развития было прервано. Политическое устройство казахов было уничтожено, нарушено территориальное единство, затруднено формирование нации и единство культуры. Стало невозможным создание в то время общей экономики, ее инфраструктура складывалась в угоду интересам метрополии. Колониальное господство приостановило самобытное развитие этноса» (Артыкбаев, Раздыков, 2005: 13).

В-третьих, немаловажным фактором институционализации историографии Республики Казахстан и утверждения негативных коннотаций в оценке имперского опыта аграрной колонизации Степного края в 1990-х – начале 2000-х гг. стала ситуация общего методологического кризиса гуманитарного знания и исторической науки. В данном плане это состояние было повсеместным в гуманитаристике, но в российской историографии 1990-х гг. уже рельефно наметилась тенденция к заимствованию западных методологических приемов, к научно-теоретическому «эпигонству». Научно-историческое сообщество Республики Казахстан с исчезновением СССР оказалось за рамками научно-исследовательского процесса, в который постепенно включались российские исследователи. Проблемность ситуации усугублялась и исчезновением того интеллектуального поля, в котором еще совсем недавно осуществлялась научная коммуникация единого сообщества историков СССР. Подобное положение имело негативные последствия и для российской, и для казахстанской историографии, поскольку основной «площадкой» трансляции представлений о прошлом стала публицистика. Но именно в Республике Казахстан публицистика полностью «узурпировала» колониационную проблематику, презентуя ее исключительно как национальную «травму». В сложившейся ситуации научное сообщество, обращаясь к широкому спектру вопросов истории колонизации, приняло публицистическую модель историописания, что вышло за пределы «газетно-журнального» дискурса, транслируясь на страницах диссертаций и научных монографий, увидевших свет в 1990-х – начале 2000-х гг.

Позитивные изменения в исторической науке Республики Казахстан наметились в середине первого десятилетия 2000-х гг., что оказалось обусловлено новым вектором государственной политики, в которой образованию и науке, прежде всего гуманитарной, придавался особый статус. Очевидно, что в образованной части казахского общества в этот период сложилось понимание тех опасностей, которые возникают в условиях национального «ренессанса». Реакцией власти стал курс на гражданственность и национальное равноправие, что нашло отражение в основных пунктах государственной программы «Культурное наследие» (2004), ориентировавшей социум не только на действия по укреплению и трансляции национального самосознания, но и до известных пределов направлявшей общество на пути открытой коммуникации с миром.

Деятельность по реализации программы в конечном счете стимулировала определенные перемены и в методологии исторических исследований, в частности активно способствовала внедрению новых исследовательских практик и подходов. В рамках исторических изысканий стал повсеместно применяться модернизационный подход, актуальный в современных условиях экономического, политического и социокультурного развития Казахстана.

Важную функцию в переформатировании историографических практик выполнили в исследуемый период и перемены в образовательной политике Республики Казахстан, основой которой стали идеи поликультурности и интернационализации, что способствовало интенсивному включению сообщества историков в систему международной научной коммуникации через участие в конференциях и программах академической мобильности.

В результате в рамках историографического пространства Республики Казахстан начинает складываться «умеренное» направление, представители которого рассматривали сюжеты аграрной колонизации Степного края более взвешенно, заявляя о необходимости преодоления «романтизма в казахстанской исторической науке и эйфоризма в восприятии исторических фактов, приведших к мифологизации исследований новой истории Казахстана» (Ерофеева, 2007: 14-22).

В параметрах «умеренного» сегмента в историографической традиции Казахстана была продекларирована задача отказаться от исключительно негативных коннотаций в оценке деятельности Российской империи в казахских степях, допуская и позитивные последствия данного процесса, в частности с точки зрения экспансии западно-европейских держав. Кроме того, исследователи, относящиеся к «умеренному» направлению, предпочитали видеть в аграрных мероприятиях России в Степном крае необходимые условия для развития производительных сил и производственных отношений в регионе, что являлось и фактором нормализации межэтнических отношений (Фризен, 2012: 181).

Историки, ведущие исследования в области аграрно-колониационных вопросов, во многом приняли положения «новой имперской истории» о «внутреннем» характере российской колонизации, сопровождаемой эскалацией и трансляцией практик доминирования и принуждения. В целом было воспринято в казахстанской историографии и положение А. Эткинда о подчиненном статусе «субалтернов» империи в колонизации как акте тотального государственного доминирования и принуждения (Эткин, 2016: 3), что открывало видимые перспективы для сближения историографических дискурсов России и Казахстана, унификации сценариев переживания «травматической» ситуации в истории XIX–XX вв.

Коммуникативная активность казахстанских историков способствовала обращению к теоретико-методологическим конструктам «новой истории империи» и переосмыслению отдельных эпизодов колониального прошлого: аграрных переселений, взаимодействия с целью урегулирования землепользования кочевников широкого круга акторов – имперской власти, региональной администрации, местной аристократической элиты.

В последнее десятилетие в казахстанской историографической традиции вырисовываются некоторые перспективы смягчения «посттравматического» синдрома и деколонизации дискурса, что подтверждается актуализированным интересом к имперской проблематике и аккомодацией новых методологических подходов. Активно используя методологические приемы постмодернизма в исследовании взаимоотношений кочевников и земледельцев, историкам Республики Казахстан удалось частично реконструировать полифонию их взаимоотношений в новых контекстах колониального времени (Рахимбекова, 2015: 132-149; Садвокасова, 2007: 27-34).

Историографическая традиция аграрной колонизации Степного края в российской исторической науке конца XX – начала XXI вв. первоначально складывалась как реакция на реанимированные положения концепции «абсолютного зла», получившие обоснование в официальной историографии Республики Казахстан, утвердившей достаточно четкую симметрию между прошлым, настоящим и будущим: жертвенный опыт угнетенных противопоставлялся «преступлениям» империи на протяжении всей истории сосуществования России и Казахстана. Примечательно, что историческое сообщество, работающее в сфере аграрно-колониационной проблематики, отреагировало на сложившуюся ситуацию двойственно: одни исследователи предпочли уклониться от какого-либо участия в научной полемике, другие, напротив, активно включились в дискурс, используя определение Х. Арендт, «организованной вины» (Арендт, 2008: 44-45), что вполне соотносилось с практиками «самопроклятий» и «самобичеваний», общепринятыми в публицистическом поле российских медиа этого времени.

Вместе с тем главной интенцией в российских исследованиях вопроса становился призыв к соучастию в переживании травматического опыта и признанию его в качестве общего для русского и казахского населения региона. В риторике российских историков центральное место по-прежнему занимали достаточно полно освоенные проблемы социальных контактов в административно-территориальном пространстве Степного края, но изменилась интонация в оценке последствий этих коммуникаций. На первый план вышла констатация того факта, что с интенсификацией переселенческой активности «...обострялась и без того напряженная ситуация во взаимоотношениях крестьян с коренным населением...», что являлось почвой для существования антирусских

настроений... Мигранты... смотрели на кочевников как на низшие существа..., а казахи видели в переселенцах кровных врагов» (Греков, 1996: 141).

Подобная трактовка определенно свидетельствовала о замыкании исследований в границах концепций «абсолютного и наименьшего зла», «добровольности и прогрессивности» присоединения Степного края к России.

Только в середине 1990-х гг. под влиянием развивавшейся империологии обозначились пути выхода из исследовательского коллапса. Исследовательские проекты, разработанные С. Беккером и А. Каппелером (Беккер, 2004: 76-77; Каппелер, 2000: 188) формулировали перспективную модель наднациональной, полиэтнической, традиционалистской (до-модерной) Российской империи, что позволяло исследователям, принявшим данный подход, постепенно отходить от национально-государственной интерпретации сюжетов аграрного освоения окраин.

С этого момента в исследовательской оптике российских историков аграрной колонизации окраин центральное место стал занимать имперский нарратив, в рамках которого империя определялась в качестве особого типа политической организации, что позволило ученым сделать ряд выводов концептуального характера.

В частности, было установлено, что присоединение территорий, рассматриваемых империей как естественно-географическое продолжение российского государства, сопровождалось процессами ментального освоения, что делало востребованным вмешательство власти путем регулярного участия в инкорпорации осваиваемого пространства посредством административно-управленческих практик (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 20).

Знаковую роль сыграла и «политика населения», в рамках которой формировались и утверждались воззрения власти на социум как область активного государственного вмешательства во все сферы жизни и деятельности населения региона как пришлого, так и индигенного. Переселенческая политика в Степном крае строилась таким образом, что крестьяне, мигрировавшие из малоземельных губерний Европейской России, осознавали себя в качестве главного действующего актора колонизации, транслирующего идею о своем решающем вкладе в экономическое освоение региона и установление его этнической однородности (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 63-64).

Согласно этой логике, коренное население Зауралья располагалось в центре имперских административно-управленческих действий, целью которых являлись задачи экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири и сопредельных регионов в состав национального российского государства (Сибирь в составе Российской империи, 2007: 243).

5. Заключение

Формулируя выводы и оценивая состояние современной (посттравматической) российской и казахстанской историографической традиции аграрной колонизации Степного края, отметим следующее: идейно-интеллектуальным контекстом формирования подходов к оценке аграрной колонизации и интеграции Степного края в общеимперское пространство в историографии Республики Казахстан стало восприятие данного процесса как «травматической» ситуации. Крах СССР и обретение Казахстаном национальной независимости стимулировали мобилизацию этнических чувств, национального и политического самосознания, что способствовало эволюции историографической традиции вопроса в сторону легитимации концепции «абсолютного зла». В условиях распада единого историографического поля на первый план вышли сиюминутные историко-политические задачи и требования закрепления такого исторического нарратива, который должен был подтвердить юридическую и моральную правомочность государственного суверенитета Республики Казахстан, что ориентировало научное сообщество на формирование негативного образа Российской империи в глазах казахского общества. В результате в работах, посвященных широкому спектру вопросов аграрной истории Степного края, возобладали мифологические схемы, сопряженные с крайними формами этнизации исторического знания. Методологический поворот, происходивший в новой исторической науке, предполагавший отказ от позитивистских подходов в обсуждении колониального прошлого, не стал частью теории и исследовательских практик ученых Республики Казахстан.

Лишь в середине первого десятилетия 2000-х гг. (2004–2017 гг.) обнаружили варианты разработки компромиссных подходов к рефлексии колониационного процесса в отношении инкорпорируемых территорий Степного края в состав России.

Становление российской историографической традиции вопроса аграрной колонизации Степного края также происходило в условиях «посттравматического синдрома», что было связано с интенсивным переживанием в обществе ситуации новой государственности, а в научной среде – состояния методологической беспочвенности. Падение «советской империи» актуализировало в общественном сознании россиян наиболее травматические сюжеты отечественной истории, связанные с социальными потрясениями первой половины XX века. При этом тема «внутреннего империализма» и колониального прошлого Российской империи переместилась в периферийное поле культурной памяти нации, став второстепенным событием и в пространстве научной коммуникации. Попытка российских исследователей вернуться к модели осмысления аграрно-

колониционной проблематики в параметрах теорий «относительного зла» и «добровольности присоединения» оказалась малопродуктивной и неадекватной вызовам времени, что привело к складыванию новой историографической ситуации.

Поворотным событием можно назвать обращение российских историков к обозначению круга вопросов, посвященных имперскому опыту России, в качестве «постколониальных исследований», основным постулатом которых являлась идея о преодолении ориенталистских стереотипов.

В этой связи в российской исторической науке в рефлексии сложных проблем «внутренней колонизации» начинают активно задействоваться теоретические построения «новой имперской истории», что способствовало постепенному выведению аграрно-колониционной тематики за пределы методологического тупика, направляло исследователей от описательно-повествовательных и, как правило, оценочных моделей реконструкции процесса аграрной колонизации исследуемого региона к вскрытию форм и содержания имперских дискурсов колонизации. Все это в конечном итоге позволило констатировать, что в условиях реализации имперских колониционных проектов России во второй половине XIX – начале XX вв. объектами колонизации и ее субалтернами являлись не только национальные группы, но и представители титульного этноса – русское крестьянство, в равной степени включенные в имперскую модель господства/подчинения.

В плане общего итога исследования опыта российской и казахстанской историографии эпохи «посттравматического синдрома» может стать высказывание А. Ассман в монографии, посвященной мемориальной культуре позднего Модерна: «Если каждая сторона будет помнить о травматической истории другой стороны, то все, что их разделяет, удастся преодолеть и общее знание откроет для них путь к мирному будущему» (Ассман, 2019: 144).

Литература

- Абдиров, 1994 – Абдиров М. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. 160 с.;
 Айтмагамбетов, 2010 – Айтмагамбетов Д.Р. Взаимоотношения казахского аула и переселенческой деревни во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской области): Дис. ... канд. ист. наук. Астана, 2010. 146 с. Алексеев, 2010 – Алексеев А.Н. Этнодемографический аспект регионального развития Восточного Казахстана в конце XX – начале XXI в. // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике*. Иркутск, 2010. С. 141-149.
 Арндт, 2008 – Арндт Х. Организованная вина // *Скрытая традиция*. М., 2008. 221 с.
 Артыкбаев, Раздыков, 2005 – Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З. История Казахстана. Учебная программа для гуманитарных и естественно-научных специальностей высшего образования. Астана, 2005. 44 с.
 Ассман, 2016 – Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. 223 с.
 Ассман, 2019 – Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019. 552 с.
 Бабков, 1912 – Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912. 575 с.
 Безвиконая, 2005 – Безвиконая Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск, 2005. 239 с.
 Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А. П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова*. Казань, 2004. С. 67-81.
 Борсукбаева, 2005 – Борсукбаева А.М. Колонизаторская политика царизма в казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана): Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 2005. 120 с.
 Греков, 1996 – Греков Н.В. К вопросу о характере взаимоотношений переселенцев и кочевников-казахов на территории Степного края в начале XX в. / *Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв.: Материалы Международ. науч. конф., 19–21 марта 1996 г. / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т истории и др.; [Редкол.: Л.М. Горюшкин (отв. ред.) и др.]*. Новосибирск, 1996. С. 141-143.
 Дамешек, 2002 – Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. / *Сибирь на этапе становления индустриального общества: Материалы Международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина*. Новосибирск, 2002. С. 257-266.
 Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. События и люди Казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремификации // *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана: Сб. науч. ст.* Алматы, 2007. С. 14-22.
 Ибраев, 1995 – Ибраев С.И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 185 с.
 Каппелер, 2000 – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. 344 с.
 Камерон, 2020 – Камерон С. Голодная степь. Голод, насилие и создание советского Казахстана. М., 2020. 277 с.

- [Козыбаев, 1990](#) – *Козыбаев И.М.* Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата, 1990. 125 с.
- [Мажитов, 1994](#) – *Мажитов С.Ф.* Вопросы методологии изучения характера колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века // *Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение.* Алматы, 1994. С. 62-73.
- [Масанов, 2004](#) – *Масанов Н.Э.* Мы – маргиналы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1092948900> (дата обращения: 15.11. 2020).
- [Мырзахметова, 2007](#) – *Мырзахметова А.Ж.* История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 186 с.
- [Рахимбекова, 2015](#) – *Рахимбекова А.К.* Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории Сибири: Сборник научных статей.* Отв. ред. М.К. Чуркин, Т.А. Сабурова, И.И. Кротг. Омск, 2015. Вып. 12. С. 132-149.
- [Ремнев, 1995](#) – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 236 с.
- [Ремнев, 2011](#) – *Ремнев А.В.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio.* 2011. № 1. С. 169-205.
- [Репина, 2001](#) – *Репина Л.П.* Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // *Вестник РОИИ.* № 1. Декабрь. 2001. С. 5-13.
- [Садвокасова, 2005](#) – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX веков). Алматы, 2005. 339 с.
- [Садвокасова, 2007](#) – *Садвокасова З.Т.* Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // *Отан тарихы.* 2007. № 3. С. 27-34.
- [Сибирь в составе Российской империи, 2007](#) – Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
- [Суворова, 2014](#) – *Суворова Н.Г.* Сословные практики интеграции степного населения в колонизационных проектах имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) / *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): Сб. науч. тр.* Новосибирск, 2014. С. 135-149.
- [Таштемханова, 1994](#) – *Таштемханова Р.М.* Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): *Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Алматы, 1994. 29 с.
- [Токмурзаев, 2016](#) – *Токмурзаев Б.С.* Аграрная колонизация Степного края в имперском проекте и практиках второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 252 с.
- [Фризен, 2012](#) – *Фризен Д.Я.* Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии республики Казахстан / *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Сб. науч. ст.* Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 178-182.
- [Чуркин, 2016](#) – *Чуркин М.К.* Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: историографическая традиция и исследовательские практики // *Вестник Томского государственного университета.* № 406. Май. 2016. С. 158-163.
- [Эткинд, 2016](#) – *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. 448 с.
- [Dave, 2007](#) – *Dave B.* Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. New York, 2007. 242 p.

References

- [Abdirov, 1994](#) – *Abdirov, M.* (1994). Istoriya kazachestva Kazakhstana. [History of the Kazakh cossacks]. Almaty, 160 p. [in Russian]
- [Aitmagambetov, 2010](#) – *Aitmagambetov, D.R.* (2010). Vzaimootnosheniya kazakhskogo aula i pereselencheskoi derevni vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Akmolinskoi oblasti) [Relationship of the kazakh village and the emigrant village in the second half of the XIX-early XX centuries. (on the example of Akmola region)]: Dis. ... kand. ist. nauk. Astana, 146 p. [in Russian]
- [Alekseenko, 2010](#) – *Alekseenko, A.N.* (2010). Etnodemograficheskiy aspekt regional'nogo razvitiya Vostochnogo Kazakhstana v kontse XX – nachale XXI v. [Ethno-demographic aspect of regional development of East Kazakhstan in the late XX-early XXI century]. Aziatskaya Rossiya: migratsii, regiony i regionalizm v istoricheskoi dinamike. Irkutsk. Pp. 141-149. [in Russian]
- [Arendt, 2008](#) – *Arendt, Kh.* (2008). Organizovannaya vina [Organized guilt]. *Skrytaya traditsiya.* М., 221 p. [in Russian]
- [Artykbaev, Razdykov, 2005](#) – *Artykbaev, Zh.O., Razdykov, S.Z.* (2005). Istoriya Kazakhstana. [History of Kazakhstan]. Uchebnaya programma dlya gumanitarnykh i estestvenno-nauchnykh spetsial'nostei vysshego obrazovaniya. Astana, 44 p. [in Russian]

- Assman, 2016** – Assman, A. (2016). Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi. [New discontent with memorial culture]. M., 223 p. [in Russian]
- Assman, 2019** – Assman, A. (2019). Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei. [Oblivion of history-obsession with history]. M., 552 p. [in Russian]
- Babkov, 1912** – Babkov, I.F. (1912). Vospominaniya o moei sluzhbe v Zapadnoi Sibiri [Memories of my service in Western Siberia]. SPb, 575 p. [in Russian]
- Bekker, 2004** – Bekker, S. (2004). Rossiya i kontsept imperii [Russia and the concept of Empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statei. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semenova. Kazan'. Pp. 67-81. [in Russian]
- Bezvikkonnaya, 2005** – Bezvikkonnaya, E.V. (2005). Administrativno-pravovaya politika Rossiiskoi imperii v stepnykh oblastiakh Zapadnoi Sibiri v 20-60-kh gg. XIX v. [Administrative and legal policy of the Russian Empire in the steppe regions of Western Siberia in the 20-60s of the XIX century]. Omsk, 239 p. [in Russian]
- Borsukbaeva, 2005** – Borsukbaeva, A.M. (2005). Kolonizatorskaya politika tsarizma v kazakhskikh zemlyakh v XIX – nachale XX vekov (na materialakh severo-vostochnogo Kazakhstana) [Colonization policy of tsarism in the kazakh lands in the XIX – early XX centuries (based on the materials of north-eastern Kazakhstan)]: Dis. ... kand. ist. nauk. Alma-Ata, 120 p. [in Russian]
- Churkin, 2016** – Churkin, M.K. (2016). Kolonizatsiya Stepnogo kraya Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: istoriograficheskaya traditsiya i issledovatel'skie praktiki [Colonization of the Steppe regions of western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: historiographical tradition and research practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 406. May. Pp. 158-163. [in Russian]
- Dameshek, 2002** – Dameshek, L.M. (2002). «Sibirskie inorodtsy» v imperskoi strategii vlasti XVIII – nachala XX vv. [«Siberian foreigners» in the Imperial strategy of power of the XVIII – early XX centuries] *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obschestva: Materialy Mezhdunarodnoi nauch. konferentsii k 75-letiyu L.M. Goryushkina*. Novosibirsk. Pp. 257-266. [in Russian]
- Devi, 2007** – Dave, V. (2007). Kazakhstan. Ethnicity, Language and Power. New York, 252 p.
- Erofeeva, 2007** – Erofeeva, I.V. (2007). Sobytiya i lyudi Kazakhskikh stepei (epokha pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni) kak ob'ekt istoricheskoi remistifikatsii [Events and people of the Kazakh steppes (the era of the late middle Ages and Modern times) as the object of historical remystification]. Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoi istoriografii Kazakhstana: Sb. nauch. st. Almaty. Pp. 14-22. [in Russian]
- Etkind, 2016** – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. M., 448 p. [in Russian]
- Frizen, 2012** – Frizen, D.Ya. (2012). Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnoshenii v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii respubliki Kazakhstan [Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnoshenii v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii respubliki Kazakhstan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: Sb. nauch. st. Tambov, № 9 (23): in 2-p. P. I. Pp. 178-182.* [in Russian]
- Grekov, 1996** – Grekov, N.V. (1996). K voprosu o kharaktere vzaimootnoshenii pereselentsev i kochevnikov-kazakhov na territorii Stepnogo kraya v nachale XX v. [On the question of character of mutual relations between migrants and nomads-Kazakhs on the territory of the Steppe region at the beginning of the XX century]. *Narodonaselencheskie protsessy v regional'noi strukture Rossii XVIII–XX vv.: Materialy Mezhdunar. nauch. konf., 19–21 marta 1996 g.* Ros. akad. nauk. Sib. otd-nie. In-t istorii i dr.; [Redkol.: L.M. Goryushkin (otv. red.) i dr.]. Novosibirsk. Pp. 141-143. [in Russian]
- Ibraev, 1995** – Ibraev, S.I. (1995). Pereselencheskaya politika tsarizma i izmenenie demograficheskoi situatsii v Severnom Kazakhstane (konets XIX – nachalo XX vv.) [Migration policy of tsarism and changes in the demographic situation in Northern Kazakhstan (late XIX – early XX centuries): Dis. ... kand. ist. nauk. Almaty, 185 p. [in Russian]
- Kameron, 2020** – Kameron, S. (2020). Golodnaya step'. Golod, nasilie i sozdanie sovetskogo Kazakhstana. [Hungry steppe. Hunger, violence and the creation of Soviet Kazakhstan]. M., 277 p. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – Kappeler, A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia-multinational Empire. Occurrence. History. Raspad]. M., 344 p. [in Russian]
- Kozybaev, 1990** – Kozybaev, I.M. (1990). Istoriografiya Kazakhstana: uroki istorii [Historiography of Kazakhstan: lessons of history]. Alma-Ata, 125 p. [in Russian]
- Masanov, 2004** – Masanov, N.E. (2004). My – marginaly [We are marginals]. [Electronic resource]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1092948900> (date of access: 15.11.2020). [in Russian]
- Mazhitov, 1994** – Mazhitov, S.F. (1994). Voprosy metodologii izucheniya kharaktera kolonial'nogo gospodstva Rossii v kontekste istorii Kazakhstana nachala XX veka [Questions of methodology for studying the character of the colonial domination of Russia in the context of the history of Kazakhstan at the

beginning of the XX century]. Kazakhstan v nachale XX veka: metodologiya, istoriografiya, istochnikovedenie. Almaty. Pp. 62-73. [in Russian]

Myrzakhmetova, 2007 – *Myrzakhmetova, A.Zh.* (2007). Istoriya obrazovaniya i deyatel'nosti organov Pereselencheskogo upravleniya v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vv. [History of education and activities of Migration management in Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]: Dis. ... kand. ist. nauk. Karaganda, 186 p. [in Russian]

Rakhimbekova, 2015 – *Rakhimbekova, A.K.* (2015). Metodologicheskie podkhody postmodernizma v issledovanii vzaimootnoshenii kazakhov-kochevnikov i krest'yan-pereselentsev v povsednevnoi zhizni vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Methodological approaches of postmodernism in the study of relationships between kazakh nomads and peasants migrants in everyday life in the second half of the XIX – early XX centuries]. Voprosy istorii Sibiri: Sbornik nauchnykh statei. Otv. red. M.K. Churkin, T.A. Saburova, I.I. Krott. Omsk. Vol. 12. Pp. 142-149. [in Russian]

Remnev, 1995 – *Remnev, A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX veka [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIX century]. Omsk, 236 p. [in Russian]

Remnev, 2011 – *Remnev, A.V.* (2011). Kolonial'nost', postkolonial'nost' i «istoricheskaya politika» v sovremennom Kazakhstane [Coloniality, postcoloniality and «historical politics» in modern Kazakhstan]. *Ab imperio*. 1: 169-205. [in Russian]

Repina, 2001 – *Repina, L.P.* (2001). Intellektual'naya istoriya segodnya: problemy i perspektivy [Intellectual history today: problems and perspectives]. *Vestnik ROII*. 1, December. Pp. 5-13. [in Russian]

Sadvokasova, 2005 – *Sadvokasova, Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of the XIX – early XX centuries)]. Almaty, 239 p. [in Russian]

Sadvokasova, 2007 – *Sadvokasova, Z.T.* (2007). Issledovanie dukhovnoi ekspansii v kontekste kolonial'noi politiki tsarizma v Kazakhstane kak nauchnaya problema [Research of spiritual expansion in the context of the colonial policy of tsarism in Kazakhstan as a scientific problem]. *Otan tarikhy*. 3: 27-34. [in Russian]

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii, 2007 – Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. M., 368 p. [in Russian]

Suvorova, 2014 – *Suvorova, N.G.* (2014). Soslovnye praktiki integratsii stepnogo naseleniya v kolonizatsionnykh proektakh imperskikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The estate practices of integration of the steppe population in the colonization projects of Imperial experts (the second half of the XIX – beginning of the XX century)]. *Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoi Rossii (XVII – nachalo XX v.): Sb. nauch. tr. Novosibirsk*. Pp. 135-149. [in Russian]

Tashtemkhanova, 1994 – *Tashtemkhanova, R.M.* (1994). Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazakhskim aulom vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoi oblasti) [emigration village and its relationship with the Kazakh village in the second half of the XIX – early XX century (based on the materials of the Semirechensk region)]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Almaty, 29 p. [in Russian]

Tokmurzayev, 2016 – *Tokmurzayev, B.S.* (2016). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraja v imperskom proekte i praktikakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian colonization of the Steppe region in the imperial project and practices of the second half of the XIX – early XX centuries]: Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 252 p. [in Russian]

Аграрная колонизация Степного края в российской и казахстанской историографии конца XX – начала XXI вв. как «посттравматическая» практика научной рефлексии

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c},
Алмагуль Абдиевна Сирбаева ^a

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена раскрытию содержания научного осмысления процессов аграрной колонизации Степного края в современной историографии России и Республики Казахстан. В основе исследовательских процедур располагаются методологические принципы новой культурно-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин)

интеллектуальной истории, а достоверность выводов обусловлена комплексом историографических источников. Авторским коллективом установлено, что историографическая традиция заявленной проблемы формировалась в научных школах России и Казахстана под влиянием «травматических» событий колониального прошлого, что воздействовало на генезис и эволюцию представлений о причинах, ходе и результатах процесса имперской инкорпорации Степного края в состав России во второй половине XIX – начале XX вв. В построении предметной части исследования учитывался социокультурный и политический фон институционализации подходов к научной рефлексии вопроса. Аргументированно доказано, что позитивным итогом историографического дискурса российской и казахстанской научных школ может стать активная коммуникация в научной сфере, обращение к современным исследовательским подходам и практикам, в том числе – «новой истории империи», актуализирующей общность «травмы» колонизации для казахского и русского народов.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, историографическая традиция, «посттравматический синдром», колониальный дискурс, постколониальные исследования, новая историческая наука, научные школы, дискурс.